

7. Довлатов С. Речь без повода или колонки редактора. – М. : Махаон, 2006. – 432 с.; ил. – (Ранее неизданные материалы).
8. Ковалова А. Довлатов / Анна Ковалова, Лев Лурье. – СПб. : Амфора, 2009. – 441 с.
9. Орлова А. Блеск и нищета “Нового Американца” [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2002/0515/win/orlova.htm>. – Загл. с экрана.

УДК 821.161.1-4

Гуртовая Я.В.
(Харьков, Украина)

О СВОЕОБРАЗИИ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ И.С. ТУРГЕНЕВА

Стаття присвячена розгляду жанрових особливостей подорожнього нарису у творчості І.С. Тургенева. Здійснюється аналіз цілої низки творів, які дотепер не були об'єктом спеціального розгляду.

Ключові слова: *нарис, подорожній нарис, жанровий синтез, фізіологічний нарис, есе.*

Статья посвящена рассмотрению жанровых особенностей путевого очерка в творчестве И.С. Тургенева. Проводится анализ целого ряда произведений, которые до сих пор не становились объектом специального изучения.

Ключевые слова: *очерк, путевой очерк, жанровый синтез, физиологический очерк, эссе.*

The article deals with the scrutiny of genre peculiarities of itinerary essay in I.S. Turgenev's creative activity.

Key words: *essay, itinerary essay, genre's synthesis, physiological essay, brief essay.*

Путевой очерк – старейшая разновидность жанра. В центре его – автор-персонаж, вокруг которого разворачиваются события путешествия. Традиция этой жанровой разновидности очерка была своеобразно продолжена И.С. Тургеневым. Цель данной статьи состоит в том, чтобы осмыслить специфику жанра путевого очерка писателя на материале таких его произведений, как «Поездка в Полесье», «Казнь Тропмана», «Наши послани!»», «Пожар на море», «Из-за границы». Как известно, тургеневский очерк изучен неравномерно. Анализ научной литературы свидетельствует, что работ, специально посвященных очерку как жанру творчества писателя, исследующих написанные им очерки как единство, определяющих специфику тургеневского очерка в сравнении с произведениями, написанными в этом жанре его предшественниками и современниками, нет. Вместе с тем нельзя утверждать, что тургеневский очерк вообще не был предметом исследования. В работах, где речь идет о произведениях писателя, относящихся к этому жанру, жанровый аспект не находился в центре внимания. Г.Э. Винникова, [2] Г.А. Тиме [6], С.Б. Рассадин [5], И.Я. Айзеншток [1], А. Костенко [4] и др. касались отдельных

особенностей очерков И.С. Тургенева, а путевые почти обошли вниманием. Между тем, черты этих произведений свидетельствуют о том, что очерки писателя являются своеобразным продолжением существовавшей традиции и, вместе с тем, представляют собой замечательные образцы этого жанра, значительно обогащенного в его творчестве.

Особая роль автора-персонажа, который находится в центре повествования, ясно ощутима в очерке «Поездка в Полесье». Впервые он был напечатан в журнале «Библиотека для чтения» 1857 г., но замысел его возник намного раньше, и его творческая история растянулась на несколько лет. В 1859 г., поясняя в примечании к рассказу «Певцы» значение самого термина «Полесье», сообщая его географическое местоположение и сведения об образе жизни и нравах его жителей, И.С. Тургенев обещал: «Мы когда-нибудь поговорим о них подробнее» [7 (5:432)]. Однако исполнение этого обещания растянулось на годы. В письме к С.Т. Аксакову от 12/24 мая 1853 года писатель впервые сформулировал заглавие будущего произведения и сообщил о начале работы над ним. Одно время оно мыслилось им в составе «Записок охотника», но он посчитал, что оно отличается от художественной системы и общей концепции сборника.

«Поездка в Полесье» включает две главки: «Первый день» и «День второй». Очерковое начало проявилось, по нашему мнению, в первой из них. Она начинается самоанализом ощущений человека, углубившегося в глухой сосновый бор, вид которого напоминает ему вид моря. На самом деле, в очерке дано сопоставление и противопоставление не леса и моря, а природы и человека. Природа «широка и державна». Ее «первобытная, нетронутая сила» несопоставима с преходящностью существования человека: «Из недра вековых лесов, с бессмертного лона поднимается тот же голос: “Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть”» [7 (5: 130)]. Заданная с самого начала тональность лирического монолога не нарушается и в дальнейшем ни общением с другими персонажами, ни действиями самого повествователя, который кормит лошадей, переправляется через реки и т.д.

Анализируемый текст распадается на три части: своего рода экспозиция – увиденное и почувствованное рассказчиком, когда он, присев на пень, поднял голову и оглянулся. Вторая, самая объемная часть содержит воспоминания рассказчика о прожитой жизни. Перед его мысленным взором проходят шумливое и тихое детство, смутная странная молодость со всеми ее ошибками и начинаниями, с беспорядочным трудом и взволнованным бездействием. Ему кажется, что жизнь ускользнула от него или он не сумел воспользоваться ее дарами, и как итог – осознание бессмысленности воспоминаний, раздумий о прошлом. Где блаженство и вера, там не наше место.

«– Вот вам вода, – раздался за мною звучный голос Егора, – пейте с богом.

Я невольно вздрогнул: живая эта речь поразила меня, радостно потрясла всё мое существование» [7 (5: 139)]. Это потрясение усилено резким контрастом: природа неподвижна, безмолвна, безразлична, она погружает в неизведанную темную глубину и непрестанный стон какой-то вечной скорби, от нее нечего ждать ни сочувствия, ни помощи, но их можно получить от человека! В тишину природы и раздумья человека врывается голос, разрушающий очарование молчания и размышления.

В 1856 и 1857 гг. И.С. Тургенев совершил длительное путешествие по Западной Европе, встретился с рядом французских и английских писателей и общественных деятелей.

П.В. Анненков попросил его поделиться своими новыми заграничными впечатлениями с русскими читателями. В результате возник очерк «Из-за границы», над которым И.С. Тургенев работал почти месяц; он был опубликован в журнале «Атеней» в 1858 г. Составители полного собрания сочинений и писем в тридцати томах поместили его в раздел «Корреспонденции», видимо, понимая под очерком сообщение о текущих событиях, присланное откуда-то в средство массовой информации для публикации. Между тем при всем семантико-содержательном разнообразии корреспонденции как журналистского жанра, «Из-за границы» отнести к нему сложно. В корреспонденции фиксируется конкретная социальная ситуация, какое-то определенное событие, и, как отмечает И.И. Дяговец, среди специфических черт корреспонденции обязательно присутствие «в центре жанрового текста социально значимой ситуации, причем желательно с деталями и, по возможности, с подробностями...» [3: 28]. Эти, как и другие, черты корреспонденции в очерке «Из-за границы» обнаружить трудно. Он жанрово неоднороден, в нем интересно сочетаются элементы эссе, путевого очерка и «физиологии». И.С. Тургенев не зря приводит в его конце пушкинские слова, что «мы ленивы и нелюбопытны»: в тексте он достаточно четко объясняет свое отношение к русским, путешествующим по Европе. Писатель даже выводит обобщенный портрет таких туристов. Соотечественники мало знакомятся с новыми для них местами. Переезжая с места на место, меняя кареты, гостиницы, русские путешественники то ли от робости, то ли от неумения сближаться с людьми, а скорее всего от лени не стараются проникнуться психологией, привычками, традициями народа той страны, в которую они попали.

«Остается природа и искусство», – с надеждой думает И.С. Тургенев. Действительно, природа может тронуть русского человека. Писатель даже встречал генералов, умевших прослезиться при виде красоты водопада, гор или изумительного пейзажа. Однако одна лишь природа не может удовлетворить человека. Что же касается искусства, то здесь и вовсе похвастаться нечем, потому что, полагает автор, с чувством прекрасного нельзя родиться, его можно только воспитать, а это опять-таки труд. Что же касается молодых ученых, художников, полагает И.С. Тургенев, то им побывать за границей, узнать, что такое истинное европейское просвещение, просто необходимо. И пусть туристы скучают, зато пытливые умы обязательно найдут в Европе пищу для интеллекта и для души. Относительно чужеземного влияния писатель высказался еще более определенно: оно «сбивает только того с дороги, кто и без того никуда не шел» [7 (10: 306)]. Сближаться же с иностранцами, уверен И.С. Тургенев, можно и нужно, находя общие интересы и знания. Само же путешествие – «точно такой же труд, как и все в жизни» [7 (10: 307)]. Эти эссеистические размышления является итогом очерка «Из-за границы».

1860-е гг. были временем расцвета очерка. В это время создают очерки Л.Н. Толстой, А.И. Герцен, Н.А. Добролюбов, М.Е. Салтыков-Щедрин, Н.Г. Помяловский, Глеб и Николай Успенские, В.А. Слепцов. Свое особое место занимают в этом ряду очерки И.С. Тургенева. Они отличаются не только многообразием и неожиданным обновлением тематики, но и тем, что они позволяют с новых сторон увидеть и оценить психологию и мироощущение писателя. История путевого очерка показывает, что он мог включать в себя элементы других внутрижанровых разновидностей: описание быта, обычаев, юридических установлений других стран (нравоописательный), портреты общественных деятелей, да и просто людей, запомнившихся путешественнику.

Характерным примером этого может служить очерк И.С. Тургенева «Казнь Тропмана». В 1869 г. Франция была потрясена жестоким преступлением. 21-летний механик Жан Батист Тропман с целью грабежа зарезал целую семью – двух мужчин, женщину на седьмом месяце беременности и пятерых детей от пяти до шестнадцати лет. В общей сложности им было нанесено свыше ста ножевых ран. Французские газеты были заполнены описанием подробностей убийства и следствия. Не остались в стороне и сторонники отмены смертной казни, а также те, кто требовал, чтобы она не совершалась публично и не превращалась в спектакль для удовлетворения самых низменных инстинктов зрителей. Но эти призывы услышаны не были, и казнь преступника была назначена. Французский писатель М. Дюкан пригласил И.С. Тургенева присутствовать при гильотинировании преступника. Писатель был потрясен увиденным и написал П.В. Анненкову, что в течение «этой страшной ночи» «получил окончательное омерзение к смертной казни вообще и к тому, как она совершается во Франции в особенности» [7 (8: 169)]. Может быть, именно этим потрясением было вызвано то, что за очерк, в котором описана казнь Тропмана, писатель принялся только через три с лишним месяца.

Писатель воссоздает все детали события: состав «привилегированных посетителей», отобранных для присутствия при редком зрелище, «тусклая» погода: «сырая без дождя, холодная без мороза» [7 (11: 132)], особые меры предосторожности, принятые тюремным начальством, разговоры о поведении Тропмана: «... что он с девяти часов вечера заснул и спит крепким сном», предположения, «что он, вероятно, оробеет в решительную минуту, но что он, впрочем, ест с аппетитом, а книг не читает и т. д. и т. д.» [7 (11: 134)], а когда пришло известие, что гильотина приехала, «мы все бросились вон на улицу – точно обрадовались!» [7 (11: 135)]. Эти детали позволяют писателю воссоздать атмосферу, предшествующую казни преступника. Хотя очерк называется «Казнь Тропмана», самой казни И.С. Тургенев уделяет лишь несколько строк, причем написаны они так, что неосведомленный читатель даже не мог бы по ним составить представление о произошедшем. Все же остальное художественное пространство очерка отдано намеренно подробному описанию всякого рода бытовых деталей, с самим фактом, с событием казни непосредственно не связанными. Это нагнетание деталей, раздевания, одевания, стрижки, путешествия по лестницам и коридорам, – все это выполняет важнейшую художественную функцию. Благодаря таким подробным описаниям бытовых деталей исключительному событию придается видимость будничности, словно отрубить человеку голову – это все равно, что постричь волосы и проделать дополнительные дырочки в ремне. Оттого еще убедительнее становится направленность очерка на отмену смертной казни и впечатление, испытанное всеми тогдашними посетителями тюрьмы, для передачи которого И.С. Тургенев единственный раз на протяжении произведения использует курсив: «... Никто из нас, *решительно никто не смотрелся человеком, который сознает, что присутствовал при совершении акта общественного правосудия*» [7 (11: 150)].

Два очерка И.С. Тургенева отразили воспоминания о его пребывании в Париже в дни революции 1848 года. Первый из них назывался «Наши послалы!» и был впервые опубликован в 1874 г. И.С. Тургенев возвращается памятью к событиям, произошедшим четверть века тому назад, когда по стечению обстоятельств он оказался свидетелем Июньского восстания. Уже в первых строках произведения И.С. Тургенев показывает свое

отношение к исторической значимости событий, свидетелем которых ему пришлось стать: «Наступил *четвертый* из известных июньских дней, которые такими кровавыми чертами вписаны на скрижалях французской истории...» [7 (11: 121)]. Чувствуя, что «в воздухе пахло порохом», что «решительное столкновение неизбежно», он стремится быть в центре событий, направляется к большой баррикаде, воздвигнутой поперек бульвара, недалеко от ворот Сен-Дени. Он не ощущает себя непосредственным участником предстоящей схватки, стоящим на одной из противоборствующих сторон. Для него ужасна сама мысль о неизбежности столкновений и связанных с ними жертв. И.С. Тургенев показывает, что он не видит правды на какой бы то ни было стороне противоборствующих сил, ни за тех, ни за других, он против того, чтобы люди убивали друг друга. Красное знамя, не признанное по настоянию А. Ламартина знаменем республики, видится ему как символ тех бунтарских сил, которые подтолкнули к противоборству и кровопролитию. Но и национальная гвардия описана с нескрываемой неприязнью: она показалась с левой стороны бульвара, «как длинный черный червяк». В конце этого фрагмента своего очерка И.С. Тургенев четко и однозначно формулирует нейтральность своей позиции: «Мне не приходилось драться ни по ту, ни по сю сторону баррикад; я вернулся домой» [7 (11: 124)]. Писатель избирает особые средства для характеристики происходящего – он сопоставляет знамя с частью человеческого тела («язычок»), а ряды гвардейцев – с червяком.

В очерке И.С. Тургенева описание охваченного боями Парижа, пушечной канонады, действий Кавеньяка, расстрелов инсургентов, – все это представляет собой обширную экспозицию к центральному эпизоду очерка, и определяющему его название, – «Наши послали!». Описанные события происходили также 26 июня, в последний день восстания, когда уже определялась победа правительственных сил. Он рассказывает о том, как утром этого дня он зашел после завтрака к немецкому поэту Гервегу, жившему с ним в одном доме. В комнату вошел встревоженный гарсон и сказал, что пришел какой-то «человек в блузе, работник, старик, который спрашивает *«гражданина Гервега»*. Слово «гражданин» И.С. Тургенев выделил курсивом, подчеркивая его значимость: оно показывало, из какого лагеря неожиданный гость. Оказывается, старик пришел, чтобы сообщить, что сын Гервега и его бонна, о судьбе которых он беспокоился, находятся в безопасности. Исполняя поручение «наших», старик рисковал жизнью: остановивший его офицер грозился его расстрелять. Второй день он ничего не ел, но, тем не менее, отказался от предложенных ему денег. Он знает, что на обратном пути его могут убить, но знает и то, что в случае его смерти «наши» позаботятся о его детях. Закljučая свой рассказ, И.С. Тургенев говорит, что нельзя было не удивиться поступку старика и той величавой простоте, с которой он его совершил. Отношение И.С. Тургенева к участникам Июньского восстания 1848 года, конечно, было сложнее, чем это выразилось в его очерке. Уже позднее, публикуя в третий раз в 1860 году в своем первом собрании сочинений роман «Рудин», И.С. Тургенев прибавил к эпилогу концовку, изображающую гибель его любимого героя на парижской баррикаде. События отнесены к тому самому памяtnому дню 26 июня, т.е. к тому дню, который описан в очерке «Наши послали».

Последним по времени создания является очерк И.С. Тургенева «Пожар на море». Как уже отмечалось, он умел выбирать для своих очерков темы, подобные которым сложно найти у других очеркистов – «О соловьях», «Пггаз». Последний очерк И.С. Тургенева лишний раз подтверждает это качество писателя – обращаться к темам, которые для

других писателей интереса не представляют. Эти совершенно различные произведения объединяет специфический интерес писателя. Все они представляют собой своеобразные «экскурсы в психологию»: в психологию птиц, в психологию собаки, если можно говорить об особенностях психологии такого рода. И.С. Тургенева также интересовала психология людей, оказавшихся в экстремальных ситуациях, например, в ситуации бедствия, участником которого был И.С. Тургенев и лишь в результате счастливого стечения обстоятельств не стал жертвой.

«Пожар на море» был написан через сорок пять лет после изображенного в нем события. Пожар на пароходе «Николай I», на котором девятнадцатилетний писатель, впервые выезжавший за границу, плыл из Петербурга в Германию, произошел в мае 1838 года и произвел на него такое впечатление, что он внес его в «Мемориал» – перечень важнейших событий своей жизни. О том, что побудило его, уже тяжело больного, за два с половиной месяца до смерти описать это потрясшее его событие, можно только предполагать. Мысленно восстанавливая события отдаленного прошлого, И.С. Тургенев подходил к ним прежде всего как психолог. Он стремится до мелочей, до деталей восстановить, как вели себя разные люди перед лицом ужасного бедствия и угрозой смерти. При этом писателю удалось избежать самолюбования и попыток представить себя в положительном свете. Не раз и по разным поводам автор признает свои промахи, то поступил не так, как следовало, то кого-то обманул, то чего-то не понимал, то что-то говорил, сам понимая, что в его словах нет здравого смысла. Не спрашивая себя, имел ли он право распоряжаться чужой шкапулкой, он подарил ее двум матросам. «Беспорядок был невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа и в том числе меня первого [7 (11: 300)]. О себе он говорит с легкой иронией: «Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюрюка, который я до сих пор сохранил, галстука и даже сапог...» [7 (11: 304)]. При этом он воссоздает не только образ своих действий, что иногда фиксирует человеческая память, но и образ своих мыслей. Называя свои несвоевременные мысли размышлениями «философа», писатель демонстрирует спокойное и даже ироническое отношение к самому себе.

В очерке И.С. Тургенева создается целая галерея человеческих типов. В ней представлены тип богатого помещика, который ползал по полу, неистово кладя земные поклоны, когда пламя утихло, кричал громким голосом, что русский бог нас не покинет, а когда оно разгоралось, вновь бросался на четвереньки и отбивал поклоны. Выразителем и тип генерала, человека высокого роста, который в первую минуту перепуга грубо оттолкнул женщину, которая хотела сесть в лодку. Когда один из служащих оттолкнул его, он устыдился своей минутной трусости и поклялся сойти с судна последним, после капитана, и глядел вокруг с сокрушенным видом, как будто просил прощения. С достоинством естественный для человека страх преодолевал бывший русский посланник в Копенгагене, проявивший мужество и даже некоторое бахвальство. Сама мысль, что в минуту опасности, перед угрозой смерти, человек выявляет свою подлинную сущность, конечно, не нова, но она передана в тургеневском очерке с такой живописностью, которая дает этому небольшому произведению бесспорное право на внимание его читателей. Анализ этого очерка дает возможность видеть, что, как и в предшествующих произведениях, событие, описанное в нем, вновь осмысливается в человеческом измерении. Он пишет о пожаре, событии экстремальном, заслуживающем внимания и само по себе. Но оно обнажило в

людях все то, что обычно скрыто воспитанием, социальным положением, полом, местом человека в той или иной группе людей, и именно это писателю-психологу оказывается наиболее важным.

И.С. Тургенев по-своему продолжил традиции путевого очерка, заложенные Н.И. Новиковым, А.Н. Радищевым и Н.М. Карамзиным. Для его путевого очерка характерна четкость бытовых наблюдений и пристальность психологического анализа, сосредоточенность не на описании собственных путевых впечатлений, а на психологии человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винникова Г.Э. Тургенев и Россия. Изд. 2-е, перераб. и доп. : [Текст] / Г.Э. Винникова. – М.: Сов. Россия, 1977. – 448 с.
2. Костенко А. Шевченко в мемуарах / А. Костенко. – К.; 1965. – 253 с.
3. Рассадин С. Б. Русская литература: от Фонвизина до Бродского : [Текст] / С. Б. Рассадин. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2001. – 288 с.
4. Тиме Г. А. «Записки охотника» И.С. Тургенева и «Шварцвальдские деревенские рассказы Б. Ауэрбаха (Сравнительная типология жанра) : [Текст] / Г.А. Тиме // И.С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. – Л.: Наука, 1990. – С. 45–57.
5. Айзеншток И. Я. Тургенев і Шевченко / І.Я. Айзеншток // Червоний шлях. – 1926. – №2. – С. 139–148.
6. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И.С. Тургенев. – М.; Л. : Изд. АН СССР. – 1960–1968.
7. Дяговец И. И. Журналистская жанрология : Учебное пособие для студентов факультета «Журналистика» : [Текст] / И. И. Дяговец. – Донецк: Норд-Пресс, 2009. – 88 с., с. 28

УДК 821.111.1

*Потыранска Агнешка
(Люблин, Польша)*

ДЬЯВОЛ, ЦАРЯЩИЙ НАД ВСЕЛЕННОЮ... – ФИГУРА ЗМЕЯ/ДРАКОНА В ПОЭЗИИ ФЕДОРА СОЛОГУБА

Статтю присвячено розгляду авторського міфа Федора Сологуба – міфа про Сонце-Змія. Автор робить спробу пояснити символічні поняття, які визначають концепт «Сонце» (Вуж, Змії, Полоз). Предметом досліджень є вірші Сологуба з тому «Змії» (1907), а також пізніші тексти. Проведений аналіз різних поетичних характеристик Змія у творах Ф. Сологуба дає можливість відтворити контексти його художнього мислення і простежити зв'язки з різними шарами міфопоетичної традиції. Мотив Сонця-Змія розглянуто в контексті трьох характеристик: пов'язаних зі світлом,